

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ, по докладу ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при избраніи Закавказскихъ уроженцевъ, отсылаемыхъ для воспитанія въ разные учебныя заведенія Имперіи, увѣдомилъ Господина Намѣстника Кавказскаго, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, согласно представленію Его Святѣйшества, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1.) Казенно-коштныхъ воспитанниковъ Пеліона при Тифлисской Гимназіи избирать, для отправленія въ высшія учебныя заведенія къ дальнѣйшему образованію, по назначенію Начальства, а не по собственному ихъ желанію; и

2.) Въ Восточное отдѣленіе С.-Петербургскаго Университета и Московскій Армянскій Лазаревыхъ Институтъ назначать лучшихъ учениковъ Тифлисской Гимназіи, хотя бы они не принадлежали къ высшему туземному дворянству, и вообще, при выборѣ учениковъ, обращать особенное вниманіе, не на происхожденіе ихъ, а на способности и успѣхи, подающіе хорошія надежды и заслуживающіе особыхъ попеченій Правительства.

Что же касается до выбора Закавказскихъ уроженцевъ въ Училище Правовѣднія, то ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, имѣя въ виду, что по уставу сего училища, туда дозволяется пріемъ воспитанниковъ только изъ сословія древняго Россійскаго потомственнаго дворянства, а потому и соизволилъ Высочайше повелѣть: въ Училище Правовѣднія, выбирать воспитанниковъ изъ знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ Княжескихъ и Дворянскихъ, а также Ханскихъ и Бекскихъ фамилій.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По военному вѣдомству.

Его Императорское Величество, въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ, соизволилъ отдалъ слѣдующіе приказы:

Января 21-го дня 1846 года.

Производится: *За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, со старшинствомъ:* Изъ Капитановъ въ Майоры: *По Кавалеріи.* Предводитель Дворянства Телавскаго и Сигнахскаго уѣздовъ, состоящій по Кавалеріи Князь Ревазъ-Макаевъ, съ 15-го Августа 1845 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности и по Кавалеріи. *По Пѣхотѣ.* Тифлискаго Егерскаго полка Мезенцовъ, съ 28-го Июля 1845 г.

Утверждаются въ чинахъ, за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, со старшинствомъ, — *произведенные Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Воронцовымъ:* *По Кавалеріи.* Состоящій въ должности Адъютанта при Начальникѣ Лезгинской Кордонной Линіи Полковникъ Марковъ 6-мъ, числящійся по

Кавалеріи Корнетъ Гамалей, въ Поручичьемъ, съ 15-го Августа 1845 года, съ утвержденіемъ въ настоящей должности. *По Пѣхотѣ.* Эриванскаго Карabinернаго полка Поручикъ Буткевичъ, въ Штабъ-Капитанскомъ, съ 12-го Августа 1845 года. Тифлискаго Егерскаго полка: Штабъ-Капитанъ Труповъ, въ Капитанскомъ; Поручики: Гольинскій и Орель, въ Штабъ-Капитанскихъ; юнкеры: Сосицкій, Вероновъ и Василенко, въ Прапорщичьихъ, — все шестеро съ 15-го Августа 1845 года. *По Линейнымъ батальонамъ.* Грузинскихъ Линейныхъ батальоновъ: № 16-го (нынѣ 10-й) подпоручикъ Сицинскій, въ Прапорщичьемъ, съ 12-го Августа 1845 года; № 17-го (нынѣ 16-й) Подпоручикъ Канановъ, въ Поручичьемъ, съ 15-го Августа 1845 года. *По Инженерному Корпусу.* Полевой Инженеръ-Поручикъ Каменскій, въ Штабъ-Капитанскомъ. Кавказскаго Сапернаго батальона Прапорщикъ Кузнецовъ, въ Подпоручичьемъ, — оба съ 12 Августа 1845 года. *По Корпусу Топографовъ.* Топографъ Сисинъ, въ Прапорщичьемъ, съ 15-го Августа 1845 года.

Января 22-го дня 1846 года.

Производится: *За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, со старшинствомъ:* *По Пѣхотѣ.* Изъ Капитановъ въ Майоры: Эриванскаго Карabinернаго полка Сагеновъ, съ 28-го Мая 1845 года. Тифлискаго Егерскаго полка Латышевъ. *По Артиллеріи.* 19-й Артиллерійской бригады Штабъ-Капитанъ Мамацевъ, въ Капитанѣ. *По Генеральному Штабу.* Капитанъ Гротскій, въ Подполковники; — все трое съ 29-го Мая 1845 года.

Утверждаются въ чинахъ, за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, со старшинствомъ, — *произведенные Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Воронцовымъ:* *По Кавалеріи.* Состоящій по Кавалеріи: Поручикъ Эльчибековъ, въ Штабъ-Ротмистрскомъ, съ 29-го Мая 1845 года; Прапорщикъ Князь Аваловъ, въ Поручичьемъ, съ 28-го Мая 1845 года, — оба съ оставленіемъ по Кавалеріи. *По Пѣхотѣ.* Эриванскаго Карabinернаго полка: Штабъ-Капитанъ Шатиловъ, въ Капитанскомъ, съ 28-го Мая 1845 года; Поручики: Князь Тарханъ-Мурашовъ, Хоруженковъ и Чаичковъ, въ Штабъ-Капитанскихъ, первые двое съ 28-го, а послѣдній съ 29-го Мая 1845 года; Подпоручикъ Гурамовъ, въ Поручичьемъ, съ 29-го Мая 1845 года; Прапорщики: Викулитъ и Алешковъ, въ Подпоручичьихъ; юнкеры: Звонковъ и Берниковъ, и унтеръ-офицеръ Громовъ, въ Прапорщичьихъ, — все пятеро съ 28-го Мая 1845 года. Тифлискаго Егерскаго полка: Подпоручикъ Шаламовъ, въ Поручичьемъ, съ 29-го Мая 1845 года; Прапорщикъ Аваловъ, въ Подпоручичьемъ, съ 29-го Мая 1845 года; юнкеры: Андрищенко и Добашинскій, и унтеръ-офицеръ Шмаповскій, — все трое въ Прапорщичьихъ, изъ нихъ первый съ 31-го, а послѣдніе двое съ 28-го Мая 1845 года. *По Линейнымъ батальонамъ.* Грузинскаго Линейнаго батальона № 16-го (нынѣ 10-й) унтеръ-офицеръ Михайловъ, въ Прапорщичьемъ, съ 29-го Мая 1845 года. *По Артиллеріи.* Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады: Поручики: фонъ-Вѣловъ и Баронъ Пеленбергъ, — оба въ Штабъ-Капитанскихъ, изъ нихъ первый съ 28-го,

а послѣдній съ 31-го Мая 1845 года; юнкеры: Шлиттеръ 1-й и Шлиттеръ 2-й, въ Прапорщичьихъ, первый съ 28-го, съ переводомъ въ 13-ю Гарнизонную Артиллерійскую бригаду, а послѣдній съ 31-го Мая 1845 года, съ переводомъ въ Грузинскій Гренадерскій полкъ. Новозакатальскаго Артиллерійскаго Гарнизона Подпоручикъ Коробковъ, въ Поручичьемъ. *По Инженерному Корпусу.* Кавказскаго Сапернаго батальона юнкеръ Глѣбовъ, въ Прапорщичьемъ, съ переводомъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ, — послѣдніе двое съ 29-го Мая 1845 года.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Монаршее свое благоволеніе Эриванскаго Карabinернаго полка: Майору Снявскому, Поручику Прокоповичу, Подпоручику Полянскому и Прапорщику Чулкову, за отличіе, оказанное ими въ дѣлахъ противъ Горцевъ.

Января 25-го дня 1846 года.

Производится за отличіе по службѣ. *По Пѣхотѣ.* Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка, изъ Подполковниковъ въ Полковники Алексинъ, съ назначеніемъ Начальникомъ Кабардинской Линіи и съ состояніемъ по Арміи.

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами ордена *Св. Владиміра:* въ 28-й день Ноября прошлаго 1845 года, въ воздаяніе отличнo-усердной службы, — *четвертой степени:* Коллежскіе Ассесоры: Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка Штабъ-Лейбъ-Фельдшмеръ, и Кавказскаго Сапернаго батальона Штабъ-Лейбъ-Червицкій; въ тотъ же день, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ Іюль мѣсяцѣ прошлаго года, при слѣдованіи главнаго дѣйствующаго отряда отъ селенія Дарго къ укрѣпленію Герзелъ-Аулу, — *третьей степени:* состоящій по кавалеріи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ Полковникъ Альбрехтъ; въ тотъ же день, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ въ прошломъ году, — *четвертой степени съ бантомъ:* Исправляющій должность Начальника Лабинской Линіи и Командующій Лабинскимъ Казачьимъ полкомъ, состоящій по Кавалеріи Подполковникъ Волковъ, и Генеральнаго Штаба Капитанъ Фелькенгагенъ; въ 28-й же день Ноября, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ въ Іюль мѣсяцѣ прошлаго года, при слѣдованіи главнаго дѣйствующаго отряда, отъ селенія Дарго къ укрѣпленію Герзелъ-Аулу, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — *четвертой степени съ бантомъ:* Подполковники: состоящій по Арміи и по особымъ порученіямъ при Командующемъ войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи Суходольскій, и Адъютантъ Главнокомандую-

ОЧЕРКИ ТИФЛИСА.

УГОЛЬ И УГОЛЬЩИКИ.

Прогуливаясь по Тифлису утромъ, въ полдень, вечеромъ, встрѣчаете по всемъ улицамъ со стороны вѣздовъ въ городъ, цѣлыя караваны эшаконъ, навьюченныхъ угольями. Ежедневно привозятъ ихъ на эшачью площадь, на майданъ и другія мѣста, до тысячи выюковъ. Невольно подумае, куда такая пропасть угольевъ, неужели для самоваровъ? Нѣтъ, не для однихъ самоваровъ. Загляните въ любую саклю, вы увидите все семейство сидящее на нарахъ подлѣ Курси, (*) съ ногами, спрятанными въ его внутренности, или на полу, вокруг мангала, мѣдной, фигурной жаровни, а бѣдныхъ, вокруг простой глиняной чашки, наполненной горящими

(*) Родъ большаго ящика изъ рамъ, накрываемаго паласами и одеялами, подъ которыми ставятся жаровни съ угольями.

угольями. Одинъ изъ бесѣдующихъ передаетъ городскія сплетни, слышанныя имъ на базарѣ, другой бранится, третій работаетъ, а каждый по временамъ протягиваетъ руку къ мангалу грѣться, и это составляетъ особенное наслажденіе. Ступайте на базаръ, загляните въ лавки всѣхъ родовъ: ремесленниковъ, бакалейщиковъ, торгующихъ краснымъ товаромъ, мѣшью или маленькихъ дѣльныхъ банкировъ (зарафъ по Персидскі), у всякаго безъ исключенія, держитъ ли онъ въ рукѣ шило, тертугъ, аршавъ, или торговую книгу, — подъ рукою непременно мангалъ. Однимъ онъ служитъ горномъ къ плавокъ серебра, другимъ въ обѣденное время очагомъ къ жаренію шашлыка, и горе вамъ, во второмъ часу зайдѣте въ караванъ-сарай, хоть на примѣръ Персидскій, — запахъ жаренаго возбудитъ у васъ ужасный аппетитъ, а чаша, въ низкомъ строеніи, произведетъ еще ужаснѣйшую головную боль. Между тѣмъ Персіане пооблававъ, съ трубой въ зубахъ, дремлютъ, повѣсивъ голову надъ самымъ мангаломъ и угаръ не производятъ никакого дѣйствія на ихъ головы, привычны къ такому кейфу; но для этого, думаю, все таки нужно имѣть головы покванней мѣрѣ Персидскія, потому что другія, какъ напримѣръ Жидовскія, не всегда въ состояніи перенести подобное наслаж-

деніе и разъ, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, изъ одной лавки караванъ-сарая выгнали шестерыхъ Евреевъ, забѣжавшихъ торговцевъ, которыхъ угостили угаромъ до полусмерти. Въ какой уголь города не обратитесь, вездѣ увидите тысячи и безъ прибавленія, десятки тысячъ горящихъ мангаловъ и тогда легко повѣрите, что въ Тифлисѣ ежедневно привозятъ до тысячи выюковъ угольевъ и уже болѣе не станете спрашивать: неужели все это для самоваровъ? Выюкъ изъ двухъ чуваловъ или мѣшковъ, вѣситъ до пуда и продается отъ 25 до 40 копѣекъ серебромъ. По этому легко можно приблизительно расчесть, сколько Тифлисскіе жители уничтожаютъ угольевъ, что платятъ за удовольствіе погрѣть руки свои на м... эшачью площадь, служатъ рынкомъ сбыта этого произведенія. Она не... квадратъ; съ сѣверо-восточной стороны... лавокъ... въ родѣ пекарни, ч... лавокъ, изъ которыхъ три... четыре духана, или кабачка и пять... хъ подваловъ. Во всѣхъ этихъ пристанищахъ глаза и... жды, то на югорѣ пурень и духановъ, то внутри послѣднихъ, въ различныхъ положеніяхъ стоятъ и сидятъ эшачники, дровосѣки и дру-

цаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, состоящій по Кавалеріи; Графъ Галатъ; Майоры: Люблинскаго Егерскаго полка Алферовъ, и Старшій Адъютантъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Ховенъ; Ракетной № 1-го батареи Ерошевичъ, и 5-го Сапернаго баталіона Рындинъ; Штабъ-Ротмистры: Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Баронъ фонъ-Шетинъ, и состоящій по Кавалеріи Дударовъ; Грузинскаго Гренадерскаго полка Штабъ-Капитанъ Герсевановъ. Поручикъ: Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка Баронъ Врангель 2-й; Люблинскаго Егерскаго полка Нейкевичъ; Горійской дружины Командиръ 1-й сотни Князь Георгій Эристовъ, и Гурійской дружины Князь Григорій Гуріель; Подпоручики: Командиръ 2-й сотни Горійской дружины Князь Григорій Цициповъ; Тифлисской Конной дружины Князь Николай Эристовъ, и Командиръ 4-й сотни Тифлисской дружины, Коллежскій Регистраторъ Ки. Адамъ Кобуловъ. Въ воздѣліе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ, при занятіи съ боя сел. Дарго 6-го Іюня прошлаго 1845 года, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — четвертой степени съ бантомъ: Адъютантъ Командира 5-го пѣхотнаго Корпуса, Генерала отъ Инфантеріи Лидерса, Люблинскаго Егерскаго полка Капитанъ Гордлевъ; Бригадный Адъютантъ 1-й бригады 13-й Пѣхотной дивизіи, Брестскаго пѣхотнаго полка Штабъ-Капитанъ Эйсмонтъ, и Украинскаго Уланскаго полка Поручикъ Богавскій; въ тотъ же день, въ воздѣліе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ, 21-го Іюня прошлаго 1845 года на высотахъ Зонокъ-Бакъ, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — четвертой степени съ бантомъ: Подполковникъ Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка Майдель; въ тотъ же день, въ воздѣліе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ, 7-го Іюля прошлаго 1845 года, во время рекогносцировки, произведенной на лѣвой березѣ рѣки Акса у селенія Дарго, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — четвертой степени съ бантомъ: Майоры: Новоміргородскаго Уланскаго полка Воиновъ, Кавказскаго Стрѣлковаго баталіона Калашниковъ, и Навагинскаго пѣхотнаго полка Штабъ-Капитанъ Тириковъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Военно-Грузинская дорога. Опустошеніе произведенное въ горахъ снѣговыми завалами, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ, обнаруживается еще въ большемъ видѣ. 30 Января въ 8 часовъ вечера, въ Джавскомъ участкѣ, съ горы, у подошвы которой лежитъ селеніе Майрамъ, упалъ огромный снѣговой завалъ, и еслибъ не встрѣтилъ на пути своемъ каменную башню и отдѣльно выдающуюся скалу, о которыя ударясь, своротилъ въ сторону, то цѣлое селеніе, наплю бы подъ его массою страшную могилу. Только четыре двора захвачены лавиною, разрушены и съ скотомъ и имуществомъ погребены подъ снѣгомъ; при этомъ несчастномъ случаѣ, погибло только три человѣка, остальные успѣли спастись.

3 Февраля, Джавскаго участка въ селеніи Эгубиръ, снѣговой завалъ раздавилъ шестнадцать осетинскихъ саклей, съ скотомъ и имуществомъ, но убило только одного старика, также и въ селеніи Гвидиса завалилъ одного Осетина. Снѣга вышнюю болѣе 4 аршинъ, прекратили всякое сообщеніе между обитателями горъ и недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ, грозитъ имъ гибелью, столько же страшно такъ и снѣговья лавины, погребаящія ихъ аулы.

Отъ Редактора Адъютанту Князя Воронцова Р. Д. Давыдову.

Милостивый Государь!

Вы постоянно отказывались передать мнѣ письменно подробности любопытной двойной Вашей переправы черезъ горы, въ самое опасное время свирѣлой зимы 1846 года; но какъ представленіе подобной картины, не только занимательно, но и можетъ быть полезно для тѣхъ, которые вовсе не знаютъ, или опытомъ еще не ознакомлены съ сообщеніями Кавказа, то я рѣшился, вопреки Вашему желанію, помѣстить въ этомъ листкѣ Кавказа копию съ письма Вашего, адресованнаго въ С.-Петербургъ; я надѣюсь, что общая благодарность читателей, искупитъ мою вину предъ Вами. . . .

Начало Февраля 1846 г. въ горахъ

Копія съ письма, адресованнаго въ С.-Петербургъ. 21 Февраля 1846 года.

подобной звыи въ горахъ, по своей свирѣлости, по огромному количеству снѣга, по величинѣ и числу заваловъ, никто не запомнитъ изъ хладнокровныхъ обитателей отраслей горъ лежащихъ у подошвы вѣками посѣдѣлыхъ вершинъ двуглаваго Кавбека!

И такъ, съ данными мнѣ порученіями, съ эюдорожною въ карманѣ, я сѣлъ въ повозку, колокольчики зазвенѣли — и бывшая трѣйка поспѣлась, совсѣской минутой отдала меня все болѣе и болѣе отъ природы, которая хотя еще въ зимнихъ мѣсяцахъ, по подѣ яркимъ солнцемъ и подѣ всею прелестью весенняго воздуха, жаждетъ вызвать зелень надуго. Приѣхалъ въ Гартискаръ, смѣнилъ лошадей, опять поспѣлся, но только съ этотъ разъ не на долго: не доѣзжая 9 верстъ до Душета, грязный подъемъ, съ трудомъ взобрался на него; — облакъ холодный вѣтеръ, началъ показываться полу-растаянній снѣгъ и крихти съ досады на вдругъ измѣнившуюся дорогу, нагнувшись наизуки на уши, надѣвъ бурку и невозмо, но выразительно закричавъ — пошелъ!

За Душетомъ снѣгъ становился все глубже и глубже, такъ что отъ Аванура по прекрасному зимнему пути, сидя въ саняхъ какъ въ колыбели и уносимый быстротою легкой тройки, не разъ со вздохомъ воспоминалъ объ матушкѣ Россіи! — Въ Пасанаурѣ я прибылъ поздно вечеромъ — и, какъ водится, первую вѣсть, которую объявлялъ мнѣ Смотритель, съ пріятнымъ вторымъ ямщикомъ, что вѣхать далѣе нельзя-сь, дороги нѣтъ-сь, «завалило завалами и замѣло снѣгомъ-сь», слыш-скомъ на два аршина глубины-сь.» Давняя же совѣсть утѣшительна; но приготовленній къего разсказаньямъ, мнѣ не хотѣлось ему вѣрить — «Нель-

зя-сь, право очень опасно-сь.» — Какой вздоръ, можно. — «Какъ угодно-сь.» — Давай двухъ верховыхъ и одну вьючную. — «Слушаю-сь, сей часъ-сь.» — Нечего дѣлать, сказала, почти вынужденъ, нужно исполнить. Ямщики почтительно за-тылокъ, крихтели, — и хотѣ ободрились. Русское авось не дѣйствовало, а дѣлать было нечего: — одному изъ нихъ все-таки приходилось по-неволю мѣня проводить.

Привели лошадей, на одну взобрался я, на другую мой челоуѣкъ, а на третьей помѣстился бо-родачъ съ маленькимъ моимъ чемоданомъ. — Не отѣхавши мы трехъ верстъ, именно до того мѣста, гдѣ ущеліе сжимается, какъ тропинка, по которой мы пробирались, вдругъ исчезла въ завалѣ. Что дѣлать; по правой сторонѣ шумитъ разбивавшаяся о камни сумашедшая Арагва, а на лѣвой, безконечные отвѣсные утѣсы; воротиться по службѣ нельзя, по направленію же дороги нѣхать, ни идти нѣтъ средствъ. — Въ затруднительномъ положеніи осталось на одно рѣшиться, пробить тропу до Арагвы — и оспаривая у нее каждый шагъ, добтаться противъ ея теченія до Квешета, гдѣ отдохнувъ немного, стараться потомъ кой-какъ подняться на Кайшаурскую высоту. Такъ и было; ямщикъ началъ мяться и сначала было за мною вѣхать не хотѣлъ, увѣряя что его дорога только по тракту, но я его утѣшилъ, обнадеживъ, что ежели свалится съ лошади, или съ лошадыо вѣсть упадетъ, то крайней мѣрѣ, лежа на боку, Арагва донесетъ его до Пасанаура;» убѣдительно — утѣшительная логика подѣйствовала и по-плеча въ снѣгу, мы приня-лись за работу. Время терять было нечего: ибо только что спустились и взошли въ воду, какъ черезъ тропинку, рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы стояли, съ шумомъ и трескомъ разсыпалась лавина! — На нѣкоторое время насъ задушило снѣжною пылью и, отъ сильнаго вихря посушейся массы, стремленіемъ самаго воздуха. Первый заговорилъ опять такі ямщикъ. «Вѣбу, вотъ те и ужинъ, навалило что въ ротъ, экой дѣвшій какъ летитъ; ну, Ваше Благородіе, пойду теперь куда хотите; вижу, что правду сказали», — и дѣйствительно мы пошли и, какъ предположили, пришли въ Квешеть, только не много по поздне: дорога въ Арагвѣ еще не совсѣмъ укатана. На другой день, часу въ первомъ по полудни, мы добрались до Кайшаурскаго станціоннаго дома.

На высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ, рѣзкій разрѣженный воздухъ, сильный вѣтеръ и огромное количество снѣга, заваливащаго все строенія, были первыми предвѣстниками ожидаемаго мѣня въ будущемъ; а лежащій подъ карауломъ почты, скопившесся большое число проезжающихъ, ихъ унылыя, вытянувшіяся и блѣдыя лица, однимъ взглядомъ объяснили, — что блокада продолжительна, что сообщенія нѣтъ, что духаиъ истощенъ, что дрова все вышли и что все болѣютъ отъ скуки, сырости, холода и голода, безъ надежды скорого освобожденія . . . . .

Взяло и меня раздумье; назадъ не вернусь, оставаться не хочется, а впередъ идти, говорить, нѣтъ средствъ и подумать. Зналъ, что разсказы объ опасности всегда преувеличены, мнѣ хотѣлось добраться до истины; позвалъ Смотрителя, Пацаловъ (въ родѣ сотскихъ, у Горцевъ), нѣсколько жителей — и изъ отвѣтовъ ихъ заключилъ, что на военно-грузинской дорогѣ дѣйствительно всякое сообщеніе прекращено, что есть одинъ слѣзъ съ провалами въ гдѣ глубоко вѣзешь въ снѣгу, по что онъ идетъ только верстъ на пять, т. е. до малаго Гуда; а что далѣе, отъ огромнѣйшихъ заваловъ, отъ большаго количества снѣга, подѣ которыми кроются пропасти и отъ постоянной мтели, идти нельзя. Еще мнѣ показалось, что при дѣлательнѣйшемъ распоряженіи полу-одичальнымъ народомъ и самими работами, свободное сообщеніе, хотя бы единорременно, только для однихъ пѣше-ходовъ, могло бы всегда существовать; необходимо былъ примѣръ; одна мысль породила другую — и, не смотря на усталость, рѣшился доказать

гія частности класса чернорабочихъ. Кто поетъ, кто вѣсть, кто поетъ псалмы, но все это скромно, чинно, нѣтъ пѣльныхъ, нѣтъ драки и шума и полиціи нечего тутъ дѣлать. Подѣ этихъ лавокъ навѣсы, а подѣ ними ямы съ горящими угольями, замѣняющими мангалы. Но стѣнкамъ, на вы-тяжку стоять деревянныя донаты, корыта, вѣшники и прочее, пріѣхавшее изъ лѣсовъ вмѣстѣ съ угольями. Тутъ же кууютъ и эшаконъ. Подальше, на площади, рядомъ разложенны чурки и лаваны разныхъ толщинъ и величинъ, а еще далѣе, половина площади завалена бревнами, а надѣ ними лежатъ десятки бурдюковъ разныхъ величинъ, отъ буйвола до игуенка и все вверхъ ногами, будто законные и природные обладатели этихъ бурдю, взываютъ къ небу о праведномъ мщеніи на сѣхъ позорныхъ убійцъ. На остальной части площади, нѣготововъ къ зовъ длинноухихъ философскихъ, задумчиваго тотчасъ будѣрвиниъ надѣ челоуѣсковъ черепомъ молвно стоять съ вперенными въ зрѣнію изъ С. Цете порой, кто нибудъ изъ ихъ сонма, облдаромъ и веновннн, видно разгадавшій великуину, отыскиваемую съ товарищамъ, вѣдугъ, поднимавъ бурду и хвостъ къ верху, возглашаетъ

се на всеуслышаніе цѣлому свѣту. Кажется, возгласы заключаютъ въ себѣ колкія насмѣшки надъ людьми, потому что многие изъ проходящихъ зажимаютъ уши, чтобы не слышать рѣзкихъ истинъ, высказываемыхъ такъ громко. Остатокъ порожняго мѣста, занимающъ хозяева угольевъ и докупщики всѣхъ состояній.

Съ наступленіемъ сумерекъ, площадь пустѣетъ. Эшаконики, сбиваясь домой, въ лѣса, набиваютъ чуралы, опростанные отъ угольевъ — чурками, зеленые и прочими съ-бѣтными припасама для продовольствія угольщиковъ, садятся на эшаконъ и рысью, а иногда галопомъ скачутъ домой и тутъ-то, помѣщаясь на крупнѣ скотины, часто представляютъ изъ себя что-то въ родѣ центавровъ.

Непроданные уголья, сваливаются въ складчатомъ мѣстѣ въ Солалакскомъ ущеліи, или у котельщиковъ, кузнецовъ и у другихъ ремесленниковъ безъ всякой потери въ цѣнности продукта, потому что стоимость его почти постоянна и только измѣняется отъ дурной грязной дороги.

Уголья выкапываютъ въ окрестности Тифлиса въ десяти ближайшихъ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, въ разстояніи отъ 3 до 30 верстъ отъ города.

Угольщики, какъ и садовники, мушн, домашнія прислуга и весь чернорабочій классъ въ Тифлисѣ и въ цѣлой Грузіи, состоятъ преимущественно изъ Имеретинъ, бѣдныхъ не дарами природы своей земли, но промышленностью и потому разбѣгающихся по чужбинѣ, для снисканія тяжкимъ трудомъ нѣсколькихъ рублей сереб.

Угольщики, въ окрестностяхъ Тифлиса, составляютъ отдѣльный товарищества и каждое общими усиліями, выкапываетъ необходимое количество угольевъ, содержитъ эшаконъ, эшакониковъ изъ Имеретинъ же, посылаетъ уголья въ городъ на продажу и за тѣмъ доходъ, дѣлитъ между своими членами. Владѣльцамъ лѣсовъ платятъ съ каждой ямы, по одному вьюку угольевъ въ недѣлю.

Обитая уединено среди горъ и безмолвныхъ лѣсовъ, вѣчно подѣ открытымъ небомъ, то въ занятіяхъ надѣ дымящейся ямой, то въ мирной круговой бесѣдѣ за кускомъ шашлыка и бычачьимъ рогомъ, наполненнымъ виномъ (ка-къ по Имеретински,) развлекала скуку немногихъ праздныхъ часовъ пѣніемъ свещенныхъ псалмовъ (*) хоромъ, или

(*) Имеретинъ, Мингрельцы и Гурійцы не имѣютъ народныхъ пѣсенъ, а замѣняютъ ихъ псалмами.

возможность ея исполненія и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать себя нѣкоторымъ образомъ предъ людьми, которыхъ обвинялъ въ душѣ. Труденъ первый шагъ; молчаніе же обязанныхъ сѣдовать за мною, еще болѣе раздражило желаніе доказать возможнымъ, по понятіямъ всѣхъ невозможное.

На первый день я довольствовался добраться до малаго Гуда и въ изнеможеніи вернуться назадъ. Опытъ былъ мнѣ необходимъ, впервыхъ онъ сроднилъ меня опять съ трудами, а потомъ одною мыслію далъ почувствовать весь хаосъ который ожидать меня завтра . . . . . но я не унывалъ и не раставался съ ободриительною надеждою вопреки всего и всѣхъ, дойти до назначенной цѣли?

Пшеходное путешествіе до Коби (16½ версты), а потомъ обратно отъ Казбека до Коби (19 версты) и отъ Коби до Кайшаура (16½ версты), что въ сложности составляетъ 52 версты, удалось мнѣ сдѣлать — въ трое сутокъ, пробиваясь по мѣстамъ, гдѣ при постоянныхъ выюгахъ и снѣгахъ неизмѣримой глубины, сѣда человѣческаго не видать, и по другимъ, напримѣръ, по безконечнымъ заваламъ, которые еще висятъ надъ безднами, гдѣ тихо, безъ шума, чтобы не свалить ихъ, одной рукой пробиваешь кору и придерживаешься за нее, тогда какъ подъ ногами поглощаются цѣлые аулы. . . . . Весь ужасъ хаоса, борьбы силъ природныхъ, бѣшенство всего атмосферическаго царства, могущество гранитныхъ гигантовъ, гдѣ одинъ только крестъ какъ указатель будущаго, животворящаго, слившись съ небомъ, обвѣнчиваетъ страдающаго проходящаго совѣмъ высокимъ, совѣмъ великимъ. . . . . все ничтожество смертнаго человѣка, въ сравненіи съ безконечнымъ, вѣковымъ, безпредѣльнымъ, — однимъ словомъ, все величіе подобныхъ картинъ понятно только тогда, когда былъ ихъ очевидцемъ и наблюдателемъ не искавшимъ имени, но свидѣтелемъ по необходимости и свидѣтелемъ не празднымъ, а участвующимъ также для спасенія и сохраненія сѣдовавшихъ за нимъ! . . . . . Что я видѣлъ, чему былъ свидѣтелемъ и что испытать въ продолженіи трехъ сутокъ, трудно, — нѣтъ, не возможно передать словами!

Среди заваловъ и выюгъ, нѣсколько случаевъ вѣзались въ мою память.

Подлѣ висящаго завала большаго Гуда, именно на Чертовой долигѣ, когда въ первый разъ мы сѣдовали къ Коби, люди Гвардейской Артиллеріи Поручика Рауера, были отрѣзаны отъ насъ сильною мятежью и съ большою опасностію припуждены были вернуться въ Кайшауръ. Осетины же, шедшіе немного впереди ихъ, пробился до Крестовой горы, гдѣ выбившись изъ силъ и видя ничтожность своихъ усилій, поручилъ себя Провидѣнію и, утопая въ яму, погрузился въ снѣгъ; разумеется, его занесло. . . . . шесть дней спусти, Командиръ Горскаго Гвардейскаго полка ротмистръ Анзеровъ первый подалъ ему кусокъ хлѣба и тѣмъ подкрѣпилъ истощенныя его силы и спасъ отъ дѣихъ звѣрей; — въ тотъ же день онъ дошелъ до Коби.

На обратномъ пути, въ сопровожденіи моего человѣка, двухъ казаковъ и нѣсколькихъ Татаръ, мы вышли изъ Казбека часовъ въ десять утра; около одиннадцати вечера, мы еще боролась остатками истощенныхъ силъ съ наступающею на насъ неминуемою гибелью. Морозъ былъ сильный, ночь темная, вѣтеръ рѣзкій съ ослѣпляющею снѣжною пылью; сбросивъ все верхнее платье, которое оледѣвши мѣшало нашей работѣ, мы дошли наконецъ до той минуты, когда при мучительномъ онемѣніи всего тѣла, нѣтъ болѣе силъ, чтобы согрѣваться движеніемъ; окруженные безднами, пропастями, среди темноты, скрывающей отъ насъ послѣднія примѣты, слышали только подъ ногами одинъ звѣрекій гулъ Терека; что дѣлать?.. еще пять шаговъ, и мы слѣбли бы съ ужаснѣйшаго обрыва въ клубящая сѣдыя его волны. Кого же Провидѣніе избрало, чтобы насъ спасти, . . . лошадь обрѣтыхъ ямщиковъ, слѣдуя по тропѣ,

или лучше сказать, по ущелью, которое мы пробили, добрела до насъ, обнюхала мѣсто, повернула въ противоположную сторону и, утопая въ снѣгу, дала намъ новое направленіе; — мы пошли за нею, облегчая ея движеніе остатками силъ и наконецъ, усталые и полумерзшіе достигли Коби.

Открытая, холодная и голодная сакля на Байдарѣ, устроена для спасенія погибающихъ. При первомъ нашемъ переходѣ, въ первый разъ вечерней гуль ея колокола раздались въ моихъ ушахъ, — спустились два человѣка и послѣ непонятнаго для меня крика, рѣшились, кажется, силою вытащить меня изъ подъ снѣга; но благотворительная моя напка убѣдила ихъ и внятно передала, что я рѣшился лучше погибать, пробиваясь до Коби, нежели отъ голода въ Байдарѣ. При не совѣмъ утѣшительномъ нашемъ положеніи, картина моего объясненія, говорить, была такъ забавна, что спутники мои бодро побрѣли впередъ и не разъ со смѣхомъ вспоминали о ней въ Коби. На возвратномъ пути, изнеможеніе Аншеронскаго полка Поручика Кизля Свѣтополка-Мирскаго заставило меня зайти къ кунакамъ, съ которыми впрочемъ, дѣйствительно растаялъ другомъ. Мы застали тамъ рабочихъ Осетинъ; трудно себѣ представить какъ въ одной комнатѣ, можетъ быть трехъ сажень длины и двухъ ширины, въ ѣдомъ дыму, вокругъ малаго огня, разведеннаго посреди землянаго пола, одинъ на другомъ помѣстилось до 200 человѣкъ, безъ заботы объ огромномъ завалѣ, висѣвшемъ надъ ихъ головами и который, ежели не прийметъ направленія овраговъ, съ часа на часъ, съ минуты на минуту, можетъ ихъ поглотить.

Спустившись съ большой Кайшаурской высоты, по которой я уже ѣхалъ въ Осетинскихъ сакляхъ, дорога идетъ ущельемъ по долигѣ Арагвы. Съ двухъ сторонъ утесы, покрытые сумрачнымъ навѣсомъ лѣсовъ на бѣлоснѣжномъ полотнѣ, увѣнчаны бѣлыми вершинами господствующихъ высотъ; то выдаваясь, то углубляясь, со всею игрою роскошнѣйшей природы, они представляютъ, въ особенности зимою, одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ. Понимаю теперь, что чувства и мысли, вызванныя ими изъ глубины души человѣка, не выразимы и нераздѣлимы! — Не доѣзжая версты четыре до Пасапура, другая картина меня остановила и своею могу челою прелестью, приковала къ мѣсту. Съ вадлѣсныхъ высотъ, въ теплую погоду, клубами покатились снѣгъ, образовалась лавина, которая, пренебрегая препятствіями и самою природою, сквозь лѣса и черезъ утесы, проложила себѣ широкій путь и наконецъ, разнорѣчными глыбами, шириною сажень на 50, остановилась на неизменной долигѣ. Лавина не завалъ, она не душитъ величійю своею подножіе, она не съѣзжаетъ и не падаетъ правильною массою, но прокладывая себѣ путь, разрушая и истребляя всю красоту земной оболочки, она катится, она несется въ бѣшеномъ стремленіи, вырываетъ, разрываетъ и дробитъ большія деревья, мшается съ камнями, съ пескомъ, съ землею — и наконецъ, пресыщенная разрушеніемъ, мозаичною, волнисто-сферватою лавой, съ свирѣлостью распадается на плоскости. Но и тутъ, хотя въ безсиліи, въ изнеможеніи, однимъ видомъ своей суровой оболочки, грозитъ еще природѣ и останавливаетъ проходящаго!

Молодой Горецъ недавно обрученный, какъ залогъ будущаго счастья, по старому обычаю, понесъ своей подругѣ жарочю приготовленный имъ хлѣбъ *союза*; дойдя съ товарищемъ до роковаго мѣста, трескъ несущейся лавины возвѣстилъ опасность; но страхъ разломать хлѣбъ, замедлилъ его шагъ и раздавленный, онъ погибъ жертвою своей любви. Товарищъ отрѣлъ его, собралъ частички хлѣба и понесъ ихъ въ аулъ, гдѣ съ трепетомъ и нетерпѣніемъ невѣста ожидала жениха, — раздробленные остатки объяснили ей, что счастья для нея въ ветхомъ мірѣ болѣе нѣтъ. . . . . я вздохнулъ объ участи страдальца, а въ душѣ, можетъ быть, и позавидовалъ ему!

Сидя теперь въ теплой комнатѣ, вспоминаешь прошедшее и досадуешь на упрямое перо, не слушающееся . . . . .

Замѣчанія на барометрическія измѣренія Г. Д. Коленати.

Въ *Bulletin scientifique de la Classe physico-mathematique de l'Academie Imperiale des Sciences de S-t Petersburg*, Tom. IV, № 12, 13, 14, помѣщена статья Г. Доктора Коленати о восхожденіи его въ 1844 году на гору Казбекъ: *die Erstigung des Kasbek am 14 (16) August 1844*, въ которой между прочимъ, на стран. 119—202, содержится барометрическія измѣренія, сдѣланныя имъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ между Тифлисомъ и Казбекомъ, и вычисленныя изъ нихъ относительныя и абсолютныя высоты сихъ пунктовъ. Ученый міръ, получающій поманутый журналъ, можетъ быть введенъ въ заблужденіе сими измѣреніями, потому что въ нихъ есть очевидныя и значительныя ошибки. — Мы всегда готовы принести полную благодарность каждому любителю наукъ, пріѣзжающему въ нашъ отдаленный край для полезныхъ въ немъ изслѣдованій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляемъ долгомъ обнаруживать и невѣрные факты, которые встрѣтятся въ ихъ трудахъ. Отдавая по этому Доктору Коленати должное уваженіе за его зоологическія труды, подлѣтые имъ въ зѣлншемъ краѣ для пополненія кабинета Императорской Академіи Наукъ, за усердныя попытки разоблачить физическія таинства нашего Кавказскаго великаго, мы не можемъ умолчать о нѣкоторыхъ ошибкахъ, допущенныхъ имъ въ барометрической нивелировкѣ военно-грузинской дороги, тѣмъ болѣе, что встрѣтили ихъ въ такомъ журналѣ, который служитъ органомъ перваго ученаго сословія въ Россіи, и голосъ котораго мы давно привыкли уважать какъ самыя истины науки. Сверхъ того я принимаюсь за это и потому въ особенности, что обстоятельства этой части труда Г. Доктора мнѣ ближе всякаго извѣстны: отъ него имѣю собственноручную копію со всѣхъ его барометрическихъ наблюденій, для него по *этимъ даннымъ* вычислялъ я относительныя высоты, и съ своей стороны сообщалъ ему нѣкоторыя необходимыя для него числа.

Главнѣйшія ошибки, допущенныя Докторомъ въ барометрическомъ опредѣленіи высотъ, состоятъ въ невѣрности и въ произвольномъ измѣненіи собственныхъ его и сообщенныхъ ему данныхъ.

1.) Извѣстно всякому, что точность результатовъ, ожидаемыхъ отъ барометрическихъ измѣреній, требуетъ, чтобы барометры, посредствомъ которыхъ хотятъ измѣрять относительныя высоты избранныхъ пунктовъ, были прежде или послѣ измѣреній (а еще лучше прежде и послѣ) свѣрены на одной какой либо высотѣ, для того, чтобы постоянную разность показаній, замѣченную въ нихъ при семъ случаѣ, принимать потомъ при вычисленіяхъ въ расчетъ. Г. Коленати не передъ отъѣздомъ своимъ въ Казбекъ, ни по возвращеніи оттуда, не свѣрилъ своего барометра съ тѣмъ, который употребляется для ежедневныхъ наблюденій въ Обсерваторіи, и по которому, согласно съ его желаніемъ, производились для него соответственныя наблюденія. Слѣд. погрѣшности со стороны инструмента оставлены вовсе необнаруженными, и вычисленныя высоты не имѣютъ по этому необходимого достоинства точности. Между тѣмъ я имѣю основательную причину полагать, что барометръ, употребленный имъ, былъ невѣренъ. Причину эту я основываю на фактахъ: когда, по просьбѣ его, я сталъ вычислять, по сообщеннымъ мнѣ имъ даннымъ, относительныя высоты опредѣленныхъ имъ пунктовъ, то открылось, что даже сдѣланныя въ Тифлисѣ два наблюденія, одно $\frac{5}{17}$ Августа, передъ самымъ его отъѣздомъ въ Казбекъ, въ гостиницѣ Соломона (что нынѣ Брылова), а другое $\frac{15}{30}$ Августа, непосредственно по возвращеніи, въ гостиницѣ г. Залымана на Пес-

потудакіе сыны природы — живутъ безмятежно, мирно, безъ коварства, зависти и обмана.

Послѣ многолѣтнихъ трудовъ, иному угольщику удастся скопить деньги, а какъ, по общей слабости человѣческой, великому, кто хоть немного разживется, хочется завести жену, то и угольщики, повиновались этому непремѣнному закону, наконецъ обзаводятся семействомъ въ ближней деревушкѣ, однакожъ не оставляя своего прежняго ремесла, а только чаще являясь въ городъ.

Но тутъ-то и постигаютъ ихъ бѣда. Пока угольщикъ жилъ въ уединеніи отъ свѣта, въ бѣдности, людямъ не было охоты знать какое имя и званіе носитъ его законченная фигура; да и трудно признать въ немъ *Каицъ-швицъ*, потому что онъ весь ничто иное, какъ большой уголь, имѣющій фигуру человѣка. Но какъ только онъ присоединился къ обществу, такъ и пошла молва о его существованіи. Угольщики и другіе ихъ собратья разныхъ родовъ труженнической промышленности, прежде болѣею частью уходили изъ родины потихоньку, не сказавъ о томъ своему владѣльцу, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ работы на чужбинѣ,

забывали о немъ и о всѣхъ прежнихъ своихъ отношеніяхъ, привязываясь къ мѣсту и занятію, давнымъ мирнымъ наслажденіемъ свойственной имъ жизни. А молва, бывая, идетъ себѣ во всѣ стороны дабы и дабы, что такой-то Каицъ-швицъ женился, живетъ въ Цавкисѣ и наслаждается добромъ. Смотришь, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, хватаешь законченнаго Каицъ-швица, ведутъ его въ полицію. . . . . Что такое, зачѣмъ? . . . . . Такъ, ничего, — помѣщикъ узналъ, что его крестьянинъ Каицъ-швицъ проживаетъ въ Цавкисѣ и за нимъ пришелъ, да пришелъ ишкомъ и еще за 200 верстъ, потому что онъ съ вида и по сущности ничуть не богаче Каицъ-швица; пришелъ тащить его домой, да выискать оброкъ за всѣ годы его отсутствія. Что тутъ дѣлать? . . . . . угольщикъ бывало сбиваетъ послѣднее свое имущество, тамъ-сямъ занимаетъ денегонки и наконецъ откупается на волю. Ну, слава Богу, теперь можно жить спокойно и перодѣться, изъ чернаго человѣка сдѣлаться бѣлымъ, и даже бросить прежнее занятіе и, переселившись въ городъ, искать другаго рода промышленности, болѣе почетной, приличной вольному и бѣлому человѣку. Но еще не успѣлъ прежній его господинъ дойти до своего дома, какъ вдругъ

опять, въ одинъ прекрасный день хватаютъ, бѣднаго Каицъ-швица, уже не чернаго, законченнаго, но бѣлаго (понимая подъ этимъ словомъ расу людскую, а не чистоту) и опять ведутъ его въ полицію. Что такое, зачѣмъ? . . . . . другой помѣщикъ узналъ, что крестьянинъ Каицъ-швицъ проживаетъ въ Тифлисѣ и пришелъ тащить его въ деревню и выискать съ него оброкъ за все время его отсутствія. Какъ же это двое господъ у одного крестьянина? . . . . . да, имѣнія нераздѣльны у цѣлой огромной фамиліи, и у другаго несчастнаго швица находилось нѣсколько человѣкъ претендентовъ на ея особу, въ какомъ бы цвѣтѣ она ни находилась, въ черномъ, или бѣломъ, а притомъ каждый владѣлецъ съ законнымъ видомъ и бѣднымъ Каицъ-швицъ зналъ только, что откупался на свободу.

